

Четвергъ, 8 ноября 1923 года

СЕГОДНЯ № 248

Театръ и искусство.

Театръ Русской Драммы.

„Мертвыя души“.

Н. В. Гоголь.

Инсценированная пьеса великаго художника была поставлена вчера въ Театрѣ Русской Драммы.

Какъ подойти, какъ передать безсмертную поэму, отъ первыхъ до послѣднихъ строкъ запечатлѣнную въ трепещущемъ сознаніи? Великъ гоголевскій гений, сквозь иглу времени и вихревую череду событій сумѣвшій сохранить и заповѣдать бѣдному потомству свой несказанный кладъ — свою болѣзненную скорбь, печаль и жуткую любовь къ родной землѣ, во всей невыразимой силѣ трагическаго чувства:

„Русь, вижу тебя изъ моего прекраснаго далека“...

Вижу тебя, убогую и обильную, смиренную, мятежную, святую и грѣховную, сверкающую солнечными самоцвѣтами, смрадящую пошлымъ уродливостью бытія.

И сквозь „неяримыя міру слезы“ расточающую смѣхъ...

Что рассказать про исполненіе, въ обрывкахъ памяти и на страницахъ промелькнувшихъ дней тая незабываемые образы послѣднихъ могиканъ столичной русской сцены?

Однако, сдѣлаемъ попытку...

Роль Чичикова исполнялъ г. Булатовъ.

Много умѣнья, гибкости, искусства, немало характерныхъ чертъ, оттѣнковъ и штриховъ въ передачѣ классическаго образа. Но не хватало какой-то общей закругленности, извѣстной мягкости, пожалуй, нѣкотораго благодушія. И временами, въ особо драматическихъ мѣстахъ, булатовскій Павелъ Ивановичъ безотчетно напоминалъ другаго стараго знакомаго, иного, едва-ли родственнаго типа, именно... Кречинскаго.

Игра г. Булатова — эскизъ, набросокъ, приблизительный намекъ, безъ четкихъ контуровъ столь хорошо извѣстнаго рисунка.

Маниловъ, въ исполненіи г. Ченгери, былъ чересчуръ крикливъ, манеренъ, безцвѣтенъ

грамъ и общій обликъ сантиментальнаго помѣщика мечтателя былъ выраженъ нехарактерно.

Его супруга — г-жа Рюдбергъ, блеснула вышними эффектами, учитель — г. Денисовъ, былъ слишкомъ ветхъ и жалокъ, умилителемъ былъ крошка Аристадъ, но Фемистоклея, въ изображеніи дѣвочки-подростка, производилъ несоотвѣтствующее впечатлѣніе.

Весьма типична была г-жа Мельникова, въ комической и незабвенной роли помѣщицы Коробочки. Подростъ, въ исполненіи г. Освѣцама каго: движенія, манеры были хороши, но въ голосѣ звучала какая-то неискренность и дѣланность, сказало отсутствіе „дутра“. Однако, сцена игры въ шашки была проведена съ необходимой легкостью и мастерствомъ.

Г. Астаровъ, въ роли С. Бакевича, былъ совершенно неудовлетворителенъ. Хорошій гримъ, довольно выпуклая вышность, но выговоръ, оттѣнокъ фразы, командный говоръ — звучали не терпимой фальшью.

Плюшуютъ, въ исполненіи г. Яковлева былъ крокъ и праядивъ. Вышнія черты схвачены умѣло и остро. Движенія, походка, голосъ, эти придушеиныя старческія ноты были безумерчны. Искусно передана сцена, въ праядкѣ изумленія передъ щедростью Чичикова:

„Безпримѣрный человекъ... Великодушнѣйшій человекъ...“

Я подарю ему серебряные часы...
Нѣтъ, лучше оставлю послѣ моей смерти...“

Не смѣхомъ, а жутью и трагизмомъ въяло отъ этой жалкой старческой фигуры.

Вредила нѣсколько излишняя слезливость.

Въ заключеніе, былъ переданъ классическій діалогъ двухъ пріятныхъ дамъ, въ исполненіи г-жъ Кирсановой и Штенгель. Войко звучалъ веселый женскій щебетъ, интимная и мелочная болтовня и неожиданная смѣна настроеній. Особенно пріятна, въ этомъ отношеніи, была г-жа Штенгель:

„Фестончики, фестончики,
Повсюду и вездѣ фестончики...“

Два слова о чтеніи.

Чтеніе въ промежуткѣ между актами (коротенькій прологъ и эпилогъ умѣстны) незольно расколзываетъ впечатлѣніе. И есть-ли, право, надобность въ этомъ якобы связующемъ и дополняющемъ придаткѣ, при исполненіи безсмертной гоголевской пьесы?
Югъ.